

В добрый
ночь,
молодежь!

МОЛОДОЙ ГЕРМАН

НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ появился новый Герман. Молодой Герман, быть может, даже юный, причем речь идет не столько о возрасте певца, сколько о молодости, о юности героя как о важном компоненте содержания «Пиковой дамы». А именно так получилось у Владимира Атлантова, исполнившего главную партию в «Пиковой даме», которую ныне возобновил Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова под руководством дирижера К. Симеонова.

В пушкинском Германе многие видели сходство с типами молодых людей XIX века, запечатленных Бальзаком и Стендалем, честолюбивых, охваченных страстным стремлением завоевать «место наверху». А в Германе, как он был изображен Чайковским, усматривали фатальную страсть. Его гибель считали «свершением судьбы», во внутреннем мире ощущали «трагизм обреченности». Пожалуй, многое из этих взглядов на одну из интереснейших фигур русской прозы и русского оперного театра отслаивалось на традиции исполнения сложнейшей оперной партии. То, что она написана для драматического тенора, влекло к характеру зрелому, сильному — эффектный, гордый офицер со сверкающим (иногда чуть ли не демоническим) взглядом, не столько влюбленный в Лизу, сколько покоряющий ее своей необузданной страстью, неудержимо влекомый к тайне трех карт, безумец, потрясенный

крушением своих надежд, игрок, поставивший на карту честь, любовь и самое жизнь.

Владимир Атлантов спел Германа, во многом опрокинув привычные представления об этом образе.

Герман у Атлантова — не хищник по природе, а человек, чья натура искажена окружающим его обществом. Его упорное одиночество — не гордая поза фанатика и фаталиста, а самозащита парии, изгоя в том блестящем и жестоком кругу, в который он вовлечен. Отсюда и его любовь к Лизе — запальчивая, словно обожженная постоянно уязвляемым самолюбием и в то же время восторженная, способная на глубочайшие лирические порывы, доступные только молодости. Своеобразие образа, созданного артистом, предопределено во многом гуманизмом нашего времени, выразившимся в сочувствии человеку, чья судьба исковеркана обществом, но не только этим. — немалую роль здесь играет индивидуальность исполнителя. Его голос — драматический тенор большой силы (в одной из статей его даже называли «героическим тенором») — в то же время способен звучать с такой искренностью, с такой теплотой, чему позавидует любой лирический певец. И эта неповторимость голоса Атлантова, неповторимость пения в партии Германа, если не открыла, то подчеркнула неожиданные стороны характера героя «Пиковой дамы».

Герман любит с нежностью и способен вскипать от горя и отчаяния с такой силой, какая представляется несовместимой с глубоким лиризмом. Я вспоминаю то большое впечатление, которое обычно производила на меня сцена Германа и Лизы у Канавки, где фразы Германа звучали как бы отрешенно, со сложным и жестоким подтекстом, словно он только механически повторял слова Лизы: «Я снова с тобой, мой друг»,

а сам был далек от нее, в страшном и враждебном их любви мире честолюбия и азарта. Но куда более сильное впечатление производит этот дуэт, эти фразы в исполнении Атлантова. Он поет их искренне, самоотверженно — чувствуешь, что любовь Германа к Лизе возрождается: в словах несчастного молодого человека — просветление и надежда. Тем ужаснее вихрь, который уносит его от Лизы навстречу гибели.

Финал оперы, обычно далеко не всегда внутренне подготовленный, у Атлантова закономерен. Просветленные предсмертные фразы Германа выражают не неожиданное очищение: это возврат к первоистокам его натуры. Гуманизм Чайковского, не захотевшего, чтобы его герой ушел из жизни, потерпев крах, отвечает чувствам и устремлениям артиста.

По-новому прозвучали для меня в «Пиковой даме» с участием Владимира Атлантова и все «большие сцены» оперы — в Летнем саду, на балу, в игорном доме с эффектной песенкой Томского, в спальне графини. Их «развернутая» музыкальная и сценическая форма раскрылась передо мной в новом смысле и значении. Здесь как бы зримо возникает контраст между одиноким, незащищенным человеком и чуждым ему «большим светом». Атлантов, кажется, еще пока не постиг значения этого контраста, не раскрывает его содержание в своем сценическом поведении, но и интуитивно заставляет нас почувствовать, ощутить психологическую сущность драмы Германа, по-своему бунтующего в жестоком мире. И в этом — особенно важный смысл современного звучания «Пиковой дамы» и партии Германа, одной из сложнейших в русском оперном искусстве.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО.

ЛЕНИНГРАД.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МОСКВА

30 МАЯ 1967